ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
Institute for the Study of the History and Institutions of the USSR
Institut füt Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR
Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ и МАТЕРИАЛЫ

П. ГАЛИН

Как производились переписи населения в СССР

Мюнхен
1951

ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР
Institute for the Study of the History and Institutions of the USSR
Institut für Erforschung der Geschichte und Kultur der UdSSR
Institut pour l'étude de l'histoire et de la culture de l'URSS

ИССЛЕДОВАНИЯ и МАТЕРИАЛЫ

П. ГАЛИН

Как производились переписи населения в СССР

Мюнхен
1951

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Страница	Строка	Напечатано	Следует
7	4 св.	веденная	проведенная
9	5 св.	отклонились	уклонились
11	19 сн.	1937	1930
13	5 сн.	предготовительных	подготовительных
13	21 сн.	предготовительных	подготовительных
29	16 св.	шифрованных	шифровальных
29	9 сн.	работает	работают
46	5 св.	etwas mehr	etwas weniger

Кроме того, исправляется редакционный недосмотр:

9	15 св.	в городе О.	в городе Владикавказе

П. ГАЛИН: Как производились переписи населения в СССР

INSTITUTE FOR THE STUDY OF THE HISTORY AND INSTITUTIONS OF THE USSR

P. Galin

Census of the USSR's population

INSTITUT FÜR ERFORSCHUNG DER GESCHICHTE UND KULTUR DER UdSSR

P. Galin

Durchführungsart der Volkszählungen in der UdSSR

INSTITUT POUR L'ÉTUDE DE L'HISTOIRE ET DE LA CULTURE DE L'URSS

P. Galine

Mode des recensements entrepris à l'URSS

München
1951

Предисловие

Редакционная Коллегия, печатая настоящие материалы П. Галина, принимавшего непосредственное участие в советских переписях населения, видит ценность этой работы в тех сведениях, которые автор сообщает о закулисной стороне советских переписей, объясняющей те способы, при помощи коих Советы получают желательные для них статистические данные. Собственно статистическим расчетам сам автор придает иллюстративное значение, понимая, что это — вопрос чрезвычайно сложный и допускающий различные методы в частности, методы, применяемые в современных американских и русских исследованиях.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Краткая историческая справка

а) Данные о численности населения в дореволюционной России

Первая и единственная перепись в бывшей царской России, веденная с соблюдением основных требований статистической науки, имела место в 1897 году. В границах СССР до 1939 года ею было учтено 106,4 миллиона жителей.

В последующие годы численность населения страны определялась ежегодно расчетным путем — на основании данных о естественном движении населения (прибавлением разности между размерами рождаемости и смертности) и данных о внешней миграции населения (выезд за пределы и въезд из-за пределов страны).

Расчитанная таким путем численность населения не могла, конечно, претендовать на достаточную точность, но, очевидно, она удовлетворяла потребностям правительства, не ощущавшего в своей практической деятельности нужды в проведении новой всероссийской переписи.

На 1 января 1914 года, т. е. перед первой мировой войной, расчетная численность населения России в указанных выше границах выразилась в размере 139,3 миллиона человек. За 17 лет (с 1897 г. по 1914 г.) прирост населения оказался равным 32,9 миллионов человек, или 30,9%, а среднегодовой коэфициент прироста 1,7%.

б) Перепись населения 1920 года

В результате первой мировой и, особенно, гражданской войн произошли такие резкие изменения в общей численности населения, в его возрастном, национальном и профессиональном составе, в перераспределении его между городом и деревней, а также между остальными районами страны, что определить масштаб их невозможно было никакими расчетными приемами.

Часть населения погибла, участвуя в боевых действиях, другая — была уничтожена карательными отрядами, третья, наконец — эмигрировала в другие страны. Страна лишилась подавляющего большинства специалистов различных профессий. Миллионы людей стали инвалидами, вовсе или частично потерявшими трудоспособность. Расстройство транспорта и общее сокращение продовольственных ресурсов, резко отрицательно

сказавшееся на снабжении продовольствием городов, привело к перемещению значительной части населения из городов в деревни. Множество детей, потерявших родителей, заселило подвалы разрушенных домов во всех южных городах. На западных окраинах бывшей Российской Империи возник ряд самостоятельных государств. Отразить должным образом изменения, обусловленныя всем этим, ответить на вопрос о численности и составе населения могла только перепись.

По расспоряжению Ленина осенью 1920 года производится попытка проведения переписи. Ленин не мог ожидать от нее ни полных итогов численности населения, ни полной характеристики его состава, так как в это время шла еще в Крыму борьба Белой армии, но получить некоторое прелставление о происшедших сдвигах он, очевидно, расчитывал.

Есть, однако, все основания думать, что и этого представления результаты переписи Ленину не дали, так как значительная часть районов страны представляла собою бурлящее море с массой местных восстаний и бунтов, с неисчислимым количеством всевозможных груп, ведших борьбу против большевиков, и просто банд, грабивших и без того разграбленное большевиками население.

Кроме того, многие уклонялись от переписи или давали неправильные о себе сведения. Наконец, тучи безпризорных детей не поддавались учету, так как не все их притоны были известны и не всегда легко было найти охотников, которые рискнули бы в эти притоны проникнуть.

В результате, итоги переписи со всех точек зрения могли быть только недоброкачественными и для любого использования непригодными.

в) Перепись населения 1926 года

Переход к восстановлению разрушенного войной и революцией хозяйства страны и задачи административного управления настойчиво требовали данных о численности и составе населения. Еще при жизни Ленина (1924 год) начинаются подготовительные работы к новой переписи, проведенной только в декабре 1926 года.

Этой переписи предшествовала весьма тщательная подготовка. Кропотливо разрабатывались и неоднократно обсуждались специалистами программы и инструкции переписи. Правительство ограничивалось только функцией помощи статистическим органам, которым было поручено проведение переписи. У Центрального Статистического Управления (ЦСУ), безусловно, имелись все возможности провести перепись как можно лучше.

Учитывая тщательную подготовку переписи и психологические сдвиги среди населения, обусловленные НЭП'ом, есть все основания расценивать итоги переписи, как полноценные. Конечно, какое-то количество населения, главным образом, по политическим соображениям, от переписи отклонилось или дало неверные ответы на некоторые вопросы бланка переписи, но на общих итогах переписи это не могло мало-мальски ощутительно отразиться. В то же время можно смело утверждать, что центральные правительственные органы не принимали никаких мер для фальсификации этих итогов ни до проведения переписи, ни после нее.

Местные же власти уже тогда начали проявлять иные тенденции, противоречащие основным принципам статистики. В качестве примера этих тенденций приведем случай, имевший место при переписи в городе О. Государственным декретом гарантировалась, между прочим, охрана тайны данных при переписи населения ответов. Несмотря на это, прокуратура города Владикавказа, т. е. орган, призванный, казалось бы, обеспечить выполнение декрета, сам нарушил его, решив использовать данные переписи для своих целей. Специально подобранным аппаратом людей начата была копировка бланков переписи. Робкие протесты местных статистиков оказались безрезультатными. Также ничего не мог сделать представитель по переписи из краевого центра. Только вмешательство краевых органов власти ликвидировало инцидент — скопированные бланки переписи были сожжены.

Переписью 1926 года было учтено 147 миллионов человек населения. По сравнению с приведенными выше данными на 1 января 1914 года, т. е. за 13 лет, население СССР выросло на 7,7 миллионов человек, или на 5,53%. Среднегодовой прирост выразился коэфициентом, равным всего 0,4% против 1,7% в бывшей царской России. Нам могут сказать, что это вполне естественно, так как страна понесла потери людьми в мировую и гражданскую войны, а также в голодный 1921/22 год.

Постараемся разобраться в этом вопросе несколько глубже и сделаем попытку определить размер потерь населения по отдельным периодам. Для этого приведем сперва несколько расчетов.

1. Если бы не было ни мировой войны, ни гражданской, и прирост населения в среднем остался бы тот же, который был до войны (1,7%), то в 1926 году мы имели бы в России не 147 миллионов, а 173,5 миллионов человек, т. е. на 26,5 миллиона больше.

2. Если бы не было революции и последующего владычества большевиков, то, при потерях во время всемирной войны в размере до 6 миллионов человек и при том же довоенном среднегодовом проценте прироста, в 1926 году мы имели бы в России не 147 миллионов населения, а 167 миллионов, т. е. на 20 миллионов больше.

3. Если бы после гражданской войны хозяйничали в России не большевики, то при том же размере ежегодного прироста (1,7% с 1921 г.) мы имели бы в России не 147 миллионов, а 154,2 миллиона человек, т. е. на 7,2 миллиона больше.

За потери населения в первую всемирную войну большевики нести ответственности не могут, хотя можно не без оснований утверждать, что значительная доля этих потерь приходится на период разлагающей работы большевиков в армии — на фронте и в тылу.

Но во всех дальнейших потерях, исчисляемых с 1918 по 1926 г. в размере 20 миллионов человек повинны только большевики. В это число входит вынужденная покинуть Родину Белая эмиграция, исчисляемая максимально величиной в 3 миллиона человек. Хотя они остались живы, но для Родины они представляют неизмеримую потерю. Затем, если допустить, что в черные для России, начальные после революции, годы рождаемость сократилась на треть, то сокращение это для периода гражданской войны выразится грубо в размере 2,5 миллионов, и на половину за голодный год — в размере около 1,5 миллионов.

Если исключить из 20 миллионов указанные цифры эмигрировавших и неродившихся, то получим следующее количество загубленных большевиками жизней:

1. За весь период с 1 января 1918 года по декабрь 1926 года 13 миллионов человек (20 — 3 — 4).

2. За период с 1 января 1918 г. по 1 января 1921 г. (условно, конец гражданской войны) — 7,3 миллиона человек.

3. За период с 1 января 1921 года по декабрь 1926 г. (период мирного строительства) — 5,7 миллионов человек.

Таковы истинные итоги переписи населения 1926 года. Этого рода итоги, насколько нам известно, нигде еще не были опубликованы, о них почти не говорят, а, если и говорят, то не осознают всего ужаса происшедшего — это, мол, естественно — гражданская война, голод . . .

Мы позволим себе занять другую позицию, считая, что только эта позиция правильна, что только она соответствует правде.

Поднявшие антиморальное знамя революции большевики полностью ответственны за гибель более семи миллионов человек в гражданскую войну. И не только потому, что они явились

виновниками гражданской войны, но и потому, что, разжигая темные инстинкты, широко используя уголовный мир, они довели уничтожение людей до таких чудовищных размеров. Мы не говорим уже о тех зверствах, которые сопровождали, зачастую, смерть мучеников. А гибель почти ш е с т и миллионов человек в мирное время? В подавляющей массе — это жертвы голодного 1921/22 года, часть же — жертвы ЧК.

II. Перепись населения 1937 года

1. Обоснование необходимости проведения переписи

Еще до переписи 1926 года и, особенно, после ее проведения длительное время повторялись официальные утверждения о том, что в будущем переписи в СССР будут проводиться, как и и во всех цивилизованных странах, — через каждые 5 лет, в год, оканчивающийся на 5 и 0. Это соответствовало, между прочим, решениям международных статистических съездов. Неоднократно приходилось слышать и читать заявления о том, что страна социализма должна быть впереди передовых в выполнении этих решений съездов — и в отношении сроков проведения, и в отношении научной организации переписей.

Напрасно, однако, ждали бы статистики очередной переписи в 1930 и даже 1935 годах. Ее никто не ждал. О возможности же переписи в 1937 году никто не мог даже подумать.

Предполагать, что перепись будет проведена в 1937 году, т. е. в период ожесточенной борьбы большевиков (за сплошную коллективизацию) и крестьянства (против нее), в период ликвидации «кулачества, как класса», представлялось, по меньшей мере, наивным.

Еще меньше было оснований ожидать переписи в 1937 году, в период страшного разгула «ежовщины», особенно потому, что итоги переписи не могли не показать тех колоссальных потерь населения, которые явились результатом индустриализации, коллективизации и просто массовых убийств.

Должны были существовать какие-то особо важные причины, заставившие Политбюро решиться на проведение переписи именно в этот период. Официально причины эти были сформулированы, примерно, следующим образом:

За 10 лет со времени последней переписи (1926 год) в стране произошли настолько существенные изменения в общей численности населения, в его возрастном и профессиональном составе, в культурном уровне, а также в размещении его по территории, что дальнейшее плодотворное руководство социалистическим

строительством, без учета и точных знаний этих изменений, стало невозможным.

Ежегодный прирост населения, по заявлению Сталина, достигал 3 миллионов человек, т. е. равнялся общей численности населения Финляндии; индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства вызвали к жизни в массовых масштабах целый ряд профессий, которых раньше не было вовсе, или, если они имелись, то в совершенно ничтожных количествах; благодаря систематической борьбе за ликвидацию неграмотности, все население должно было стать грамотным; освоены колоссальные площади белых пятен, возникли десятки новых городов; во многих старых городах, в результате бурного роста промышленности, численность населения увеличилась в 2—3 раза и более; существенным образом изменилось соотношение городского и сельского населения, свидетельствуя о превращении страны из аграрной в индустриальную, и т. д.

Факт перечисленных изменений, исключая декларированный Сталиным ежегодный прирост населения в размере до 3 миллионов, от которого он на XVIII съезде ВКП(б) отказался, основываясь, очевидно, на результатах переписи 1937 года, а также исключая тезис о превращении страны из арграрной в индустриальную (верное было бы сказать — в аграрно-индустриальную), — оспаривать не приходится.

И все же нам представляется, что это, в значительной доле, только официальная мотировка, что истинные мотивы, диктовавшие необходимость проведения переписи, заключаются совсем в другом. Во всяком случае, для своей плодотворной деятельности ни Ежов, ни Берия в данных переписи населения вовсе не нуждались, не нуждается в них Берия и сейчас.

Основная причина необходимости проведения переписи заключалась, по нашему глубокому убеждению, в подготовке к предстоящей войне, она являлась одним из звеньев в этой подготовке. Это убеждение основано не только на факте скорого после переписи выступления СССР на военном поприще. К нему не трудно притти также, если учесть, что, нормально, переписи населения предпринимаются правительствами всех цивилизированных стран для того, чтобы иметь возможность при управлении страной удовлетворить, как можно лучше и полнее, потребности населения. Заподозрить же Политбюро в такого рода цели совершенно невозможно.

Кроме того, к этому убеждению приводит нас вк.
в программу переписи вопрос о вере — «верующий или нет?» Появление этого вопроса в бланке переписи вызвало у всех недоумение, а у многих тревогу. Для чего он понадобился? Тогда понять это было не только трудно, но и невозможно. Сейчас, по-

сле военной бури и происшедших в СССР событий, в частности, после создания Патриархата, дело прояснилось. Готовясь к экспансии, большевики хотели, очевидно, выяснит, на какие факторы им нужно будет опираться, чтобы обеспечить себе возможно более полное влияние на население. Они хотели знать, имеет ли смысл в грядущих событиях итти по пути использования для своих целей религии; а для этого нужно было получить конкретные данные о том, в какой мере население осталось верующим. Совершенно очевидно, что именно результаты переписи продиктовали большевикам необходимость и целесообразность некоторого поворота в их отношении к религии, поворота, который можно было бы характеризовать, как какую-то степень НЭП'а, со всеми свойственными ему чертами, т. е. не «всерьез» и не «надолго». Как бы там ни было, а факт проведения переписи 1937 года в военных целях не вызывает сомнений.

2. Подготовка переписи 1937 года

А. Бюрократизация всей работы

Подготовительные работы к переписи начаты были Центральным Управлением Народно-Хозяйственного Учета при Госплане СССР (сокращенно — ЦУНХУ) еще в 1935 году. Общее руководство всеми предготовительными работами, а также проведение самой переписи было возложено ЦК ВКП(б) и СНК СССР на начальника ЦУНХУ — Краваль.

Для практической работы в ЦУНХУ было создано Центральное бюро переписи населения, которое фактически возглавлял лучший статистик — демограф страны — Квиткин.

Для каждого статистика, действительного специалиста, перепись — это большое событие, большой праздник, это лучшие дни его жизни. Несмотря на ужасы переживаемой «ежовщины», статистики с исключительной радостью встретили известие о предстоявшей переписи. Мечтали о съездах, о встречах, о горячих спорах по программным и инструкционным вопросам, которые неизбежно связаны с любой переписью. Для обывателей, видящих в статистике только скучнейшую работу с цифрами, всего этого не понять.

Однако, праздничное настроение статистиков длилось очень коротко. К участию в предготовительных работах первого тура (программа переписи, инструкции) были привлечены только немногие работники из аппарата самого ЦУНХУ. И первым ушатом холодной воды и для этих работников явилось предписание вести работу, как «не подлежащую оглашению».

Статистики, работавшие в периферийных органах ЦУНХУ, слышали о переписи еще в 1935 году, верили слухам и не верили, но официально узнали о ней только в начале 1936 года, когда получили предписание приступить к подготовительным работам по уже готовым бланкам и инструкциям. Мечты о съезде, о встречах, об участии в обсуждении всех вопросов переписи, таких простых на первый взгляд и так глубоко сложных в действительности, оказались нереальными.

Вся подготовительная работа по разработке бланков переписи и инструкций к ним, по составлению словарей занятий и религий, а также по разрешению сугубо принципиальных вопросов, как, например, вопроса о категориях подлежащего переписи населения, о порядке и сроках проведения переписи — все это проектировалось «за закрытыми дверьми» в Центральном бюро переписи населения ЦУНХУ, рассматривалось и решалось в Политбюро ВКП(б).

Вся эта предварительная работа была настолько бюрократизирована, что даже в печати не появилось ни одной заметки по связанным с нею вопросам. И это оказалось вторым ушатом холодной воды для статистиков в ЦУНХУ, надеявшихся, что после завершения ими всех подготовительных работ разработанные ими проекты всего инструментария переписи будут все же подвергнуты обсуждению, пусть не живому — на съездах, но хотя бы в печати.

Следует особо отметить, что статистики из ЦУНХУ, особенно Квиткин, возлагали много надежд на возможность такого обсуждения, так как они расчитывали, что им удастся укрепить этим путем свои позиции в споре Квиткина с Политбюро. Они не сомневались, что статистики-специалисты в этом споре о категориях подлежащего переписи населения полностью поддержат Квиткина.

Б. Учет безработных, заключенных, армии и войск НКВД

Самым, пожалуй, серьезным вопросом, требовавшим первоочередного своего разрешения в подготовительных работах ЦУНХУ, являлся вопрос о дважды уже упомянутых категориях населения, подлежащих переписи.

Поясним прежде кратко сущность этого вопроса.

При переписях различают две категории населения: постоянное и наличное.

Если переписи подлежит постоянное население, то в каждом населенном пункте переписываются все постоянно в нем проживающие, независимо от того, где находится каждое данное лицо в день переписи — дома или в отъезде.

При решении же ограничить перепись наличным населением переписывают в каждом населенном пункте только тех, кто оказался здесь налицо в день переписи, независимо от того, постоянный это житель данного населенного пункта или случайно сюда прибывший.

Не вдаваясь в дальнейшие детали (кого считать постоянным жителем данного населенного пункта, как включать в перепись лиц, находящихся в пути, и т. д.), ограничимся приведенными определениями, тем более, что для целей настоящей работы этого вполне достаточно.

По этому именно вопросу, по сведениям, доходившим к нам из центра, возник спор между Квиткиным и Политбюро. Опираясь на опыт передовых стран Запада, Квиткин настаивал на проведении переписи обеих категорий населения. Только так проведенная перепись, заявлял Квиткин, имела бы под собой действительно научную почву. Кроме того, продолжал свои аргументы Квиткин, учет при переписи обеих категорий населения значительно расширил бы возможности использования данных переписи для любых нужд административных и хозяйственных органов. Наконец, при этом условии, статистические органы получали возможность некоторого контроля итогов переписи и гарантию более полного охвата ею населения. Все эти доводы оказались, конечно, тщетными.

Ссылаясь на то, что перепись, проведенная по предложению Квиткина, потребует несколько десятков (около 70) миллионов рублей дополнительных расходов, Политбюро решило, что перепись должна отразить только наличное население. Никакие протесты Квиткина не помогли; борьба безпартийного специалиста со всесильным Политбюро была слишком неравной. На заявления Квиткина об отказе участвовать в такой переписи ему дали недвусмысленно понять, что такой акт с его стороны будет рассматриваться, как саботаж, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В этих условиях Квиткину оставался только один выход — продолжать работать, что он и сделал.

Это, однако, не изменило его судьбы. Когда летом 1937 г. правительством было вынесено решение по вопросу о проведенной переписи, где указывалось, что материалы переписи следует считать неудовлетворительными, так как сама перепись была проведена без соблюдения основ статистической науки, т. е. того, на чем в свое время настаивал Квиткин, — его, как фактического руководителя всей работы, изъяли по обвинению во вредительстве. С тех пор и до начала последней войны о нем ничего не было слышно. Очевидно, он погиб, как и многие миллионы других.

Наряду с проблемой о подлежащих переписи категориях населения имелся еще ряд проблем, обусловленных своеобразием советской действительности. Среди этих проблем важное значение было придано проблеме записи занятий для некоторых групп населения. Проблема эта возникла в связи с наличием в стране:

— безработных,
— подследственных заключенных,
— осужденных заключенных,
— армии,
— особых войск НКВД.

В нормальных условиях, в любом другом, кроме СССР, государстве вопрос о переписи безработных, заключенных и военнослужащих не представляет никакой пробмелемы. Теорией и практикой проведения переписей все эти вопросы разрешены достаточно ясно. Если, к примеру, то или другое лицо является в момент переписи безработным, то, не мудрствуя лукаво, его запишут безработным и т. д. Другими словами, в демократических странах Запада, а до появления СССР — во всем мире, к переписям предъявлялось и предъявляется следующее категорическое требование: отразить действительность, как она есть.

Другое дело в СССР! Гарантированные сталинской конституцией права граждан и их свободы существуют только для пропаганды преимуществ социалистического государства перед капиталистическими и ничего общего с действительностью не имеют. Все действия правительства диктуются не интересами населения страны, а интересами мировой революции. Последним подчинено абсолютно все, в том числе и народные интересы.

Этим же пропагандно-политическим соображениям оказалась подчиненной и перепись. Нужно было построить ее так, чтобы не только в ее итогах, но даже в первичных материалах (в переписных листах) не были бы отражены ни безработные, ни заключенные, ни военнослужащие.

Как видно будет ниже, практическое решение вопроса о записи для указанных групп было продумано очень тщательно. В материалах переписи не только не была отражена ни одна из этих групп, но и ответы о занятиях были получены именно те, которые хотело получить Политбюро. Инструкционные указания к заполнению переписных листов были построены так, что в какой либо фальсификации итогов переписи не было никакой нужды — фальсификация была проведена предварительно, так сказать, профилактически.

Конкретные мотивы и сущность решения по каждой группе представляются в следующем виде:

а) Безработные

Общеизвестно, что официально в СССР безработицы не существует. По заявлениям представителей партии и правительства, она была полностью ликвидирована еще в конце первой пятилетки. Повехностные наблюдатели, даже из бывших подсоветских людей, могут сказать, что это так и есть, что в СССР действительно нет безработицы, что там, наоборот, часто недостаточно рабочих рук. На самом деле это не так. Кажущееся отсутствие безработицы объясняется тем, что их учетом никто не занимается, что ими просто никто не интересуется. В качестве доказательства правильности моего утверждения, достаточно сказать о тех мытарствах с поисками работы, которые выпадали и выпадают, несомненно, на долю членов семей изъятых «врагов народа». Лживые же, как всегда, заявления членов партии и правительства об отсутствии в СССР безработицы необходимы, с их точки зрения, по следующим, как нам представляется, причинам:

во-первых, потому, что, в соответствии с марксистско-ленинским учением, безработица представляет собой одно из величайших зол капитализма, зол, повседневно порождаемых последним. В социалистическом же государстве, где установлена справедливость, безработица изживается, что является одним из основных показателей преимуществ социалистической системы над капиталистической;

во-вторых, потому, что безработным нужно было бы платить пособие по безработице, т. е. расходовать средства, которые так необходимы для развязания всемирной революции, для содержания пятых колонн.

Первая причина политическая, вторая — утилитарная, вернее — утилитарно-политическая.

Руководители партии прекрасно знали и знают о том, что факты — вещь упрямая, что при переписи регистраторы столкнутся с живыми людьми — с безработными. Нужно было найти выход и, при большевистской изобретательности и изворотливости, он был найден. В инструкции к заполнению переписного листа указывалось, чтобы всех, кто при переписи окажется без работы, рассматривать как временно неработающих и в вопросе переписного листа об их занятии указывать их последнее занятие.

Заслуживает особого внимания тот факт, что в инструкции ни разу не упоминалось слово «безработный». Заменяя его словами «без работы» и «временно неработающий», авторы инструкции хотели, очевидно, подчеркнуть этим отличие между

«временно неработающими» в СССР и безработными в капиталистических странах. Для нормально мыслящего человека уловить здесь хотя бы какую-то тень, какой-то намек различия невозможно, так как любой безработный в любой стране находится без работы временно и является временно неработающим. Не исключено, что этим редакторы инструкции (Политбюро) хотели навести на мысли о том, что только в СССР человек может находится без работы временно, в капиталистических же странах он обречен на пожизненную безработицу.

В связи с указанным решением о порядке регистрации безработных вспоминается мне следующий случай. Как-то, незадолго до переписи 1937 года в СССР, проводилась перепись в Италии. Советская печать метала гром и молнии по поводу того, что при этой переписи рабочие, занятые на производстве неполную неделю, регистрировались не как безработные. Само собою разумеется, что этому противопоставлялось положение в СССР, где конституцией каждому гарантированы работа и заработок, где безработица давно отошла в область преданий.

Следует отметить, что приведенное выше решение, принятое статистиками пассивно-отрицательно, кое-кто стремился объяснить тем, что, очевидно, правительство хочет получить от переписи и освещение профессионального состава населения. Такое объяснение должно быть, однако, решительно отвергнуто. Во-первых, известно, что занятия и профессии, особенно в СССР, практически далеко не совпадают и, поэтому, суждения о профессиональном составе населения на основании данных о его занятиях, если бы правительство интересовалось профессиональным составом, то следовало только в переписном листе предусмотреть вопрос о профессии, и были бы получены данные, не искажающие действительности в этом вопросе. Что это не так, лучше всего доказывает принятый порядок записи занятий у заключенных в концентрационных лагерях, о чем будет сказано ниже.

Как бы то ни было, а, благодаря применению инструкционных указаний, в материалах переписи нельзя было найти ни одного безработного.

При проведении переписи не обошлось без инцидентов по вопросу о регистрацци безработных. Вспоминается такой случай. В городе А. проживал некий коммунист. За несколько месяцев до переписи он был освобожден органами НКВД из заключения. В момент переписи он не был еще восстановлен в партии и находился «временно» без работы. Следуя указаниям инструкции, регистратор спросил у него при переписи о занятии до заключения его НКВД и записал это занятие в переписной лист, как занятие на день переписи. Незадачливый коммунист не замедлил обратиться с жалобой на регистратора в краевое бюро переписи населения. Он решительно требовал привлечения регистратора к ответственности, угрожая разоблачением врагов народа и т. д. Ответ бюро переписи со ссылкой на то, что регистратор поступил в полном соответствии с инструкцией, утвержденной ЦК ВКП(б) и СНК СССР, его, видимо, «успокоил». Во всяком случае, он не проявлял в дальнейшем никаких попыток привести свои угрозы в исполнение.

б) Подследственные заключенные

Марксизм-ленинизм-сталинизм учит, что преступность это социальный порок, являющийся результатом несправедливого социального устройства жизни человеческого общества, в частности, при капитализме. В основе этого устройства лежит частная собственность на средства производства, порождающая и углубляющая материальное неравенство людей. Обобществление средств производства устраняет первопричину для существования преступности. В социалистическом государстве, где созданы условия для материального равенства, не может быть ни грабителей, ни воров. Не может быть там и политических преступников, так как государственное устройство является самым передовым, предельно демократическим, а жизнь населения строится на самых справедливых началах. Если теоретически, с марксистской точки зрения, это все в известных пределах уже верно для страны, находящейся в первой стадии социалистического строительства — стадии социализма, когда еще приходится бороться с пережитками в сознании людей, — то для страны, которая, по заявлению вождей, вступила во вторую и последнюю стадию — в стадию коммунизма, это верно уже в полной мере. Следовательно, рассуждая теоретически, в СССР не должно было быть заключенных. Это — во-первых. Во-вторых, и это является решающим, их не должно было быть и с точки зрения пропагандно-политической. Отражение в материалах переписи свыше десятка миллионов заключенных было бы равносильно смертному приговору для «рабоче-крестьянской» власти, для ВКП(б), так как оно открыло бы глаза всем другим народам на истинное положение в СССР, особенно учитывая, что, наряду с ужасами организованного в 1932/33 году правительством голода, время проведения переписи было одним из наиболее страшных периодов в жизни населения СССР.

Нужно было и здесь найти какой-то выход. Хотя инструкция по проведению переписи населения в местах заключения была строго секретной, благодаря тому, что первичная обработка всех материалов переписи производилась в ЦУНХУ, без

особого труда удалось установить порядок записи занятия у заключенных.

В нашем краевом центре, как, впрочем, и в других местах, были забраны органами НКВД многие тысячи жителей. Работники бюро переписи населения знали многих из них лично, а еще больше по фамилии. При обработке материалов они наталкивались на переписные листы этих лиц и втихомолку делились друг с другом своими открытиями. Между прочим, тогда удалось установить примерное местонахождение некоторых из таких, о которых родственники ничего не могли узнать и оплакивали их, как уже погибших.

Оказалось, что подследственным заключенным вписывалась при переписи та их работа, которой они были заняты непосредственно перед арестом, т. е. аналогично тому, как у безработных. В результате такого решения вопроса, в нашем, например, краевом центре были при переписи зарегистрированы три председателя краевой плановой комисии, из которых два находились в подвалах НКВД, и только третий был еще на свободе (вскоре после переписи и он последовал за двумя первыми), три председателя краевого исполнительного комитета и т. д.

Но ни одного заключенного перепись не выявила. Как и в случае с безработными, материалы переписи не нуждались ни в какой ретушировке для того, чтобы доказать преимущества социалистического государства перед капиталистическим. Нужные меры, в виде инструкционных указаний, обеспечили фальсификацию результатов заблаговременно.

в) Осужденные заключенные

Так же, как подследственных, и по этим же причинам, не могло Политбюро рискнуть отразить в переписи заключенных осужденных. Но решение о записи занятия для последних было совсем другое. Само собою разумеется, инструкции для переписи в тюрьмах и концлагерях была тоже секретной, но узнать порядок записи там занятий удалось тем же путем, что и для подследственных заключенных.

По переписным листам установлено было, что осужденным заключенным записывали не ту работу, которую они выполняли, будучи еще на свободе, а ту, которой они были заняты в концлагере, тюрьме.

Таким образом, профессор университета, художник кисти или слова, инженер и т. д. превратились в лесорубов, каменщиков, транспортных рабочих, чернорабочих и т. п. На первый взгляд, это казалось совсем непонятным. Если бы в концентрационных лагерях записывали заключенным их прежние занятия, то можно было бы допустить, что правительство

действительно хочет получить в результате переписи хотя бы приближенное представление о распределении населения по профессиям. Но принятый в концлагерях порядок переписи исключал возможность получения таких данных. Единственно, поэтому, чем можно объяснить такое решение вопроса, это расчетом на то, что из кацетников почти никто к своей прежней деятельности не вернется, по своей действительной специальности работать больше не будет. И все то, что известно о советских концентрационных лагерях, дает основание считать такое именно объяснение единственно правильным.

Оказывается, следовательно, что и в данном случае все было продумано достаточно, чтобы обеспечить профилактически фальсификацию итогов переписи.

г) Армия и особые части войск НКВД

Еще до того, как для западного мира ясно обнаружилась экспансионистская политика Политбюро, данные о численности армии держались в СССР в сугубом секрете. Даже когда назывались цифры, то эти цифры, несомненно, никогда не соответствовали действительности. И нужно полагать, что, читая в прессе о количестве дивизий, готовых и готовящихся в странах, подписавших Атлантический пакт, о количестве американских и английских войск, прибывающих в Европу, о численности армии в США сейчас и в недалеком будущем, Сталин относится к допускающим такого рода публикации государственным деятелям Запада, по меньшей мере, как к чудакам.

Нет оснований сомневаться в том, что уже ко времени проведения переписи 1937 года шла подготовка к предстоящим авантюрам, в частности, к финляндской. Тем более имелось оснований сохранить численность армии в секрете.

В значительно большей мере нельзя было допустить до разглашения данных о численности частей войск НКВД. Никак нельзя было показать, какой колоссальный вооруженный аппарат приходится постоянно держать наготове для защиты социалистического отечества от непрекращающихся происков «врагов народа».

Вопрос о записи занятий в армии и войсках НКВД был решен так же, как для безработных и подследственных заключенных, а именно: инструкция требовала записывать ту работу, которая военнослужащими выполнялась до поступления на военную службу.

Перепись всех перечисленных групп проводилась разнохарактерным аппаратом инструкторов и регистраторов. Безработные переписывались теми же регистраторами, что и все находившееся не в армии и не в местах заключения население. Остальные группы переписывались специальным аппаратом, который подбирался НКВД для переписи заключенных и войск НКВД, и военным командованием — для переписи военнослужащих.

Нельзя не отметить, сразу же, порядок включения всех засекреченных переписных листов, составленных на заключенных и военнослужащих, в общие материалы переписи. Порядок этого настолько специфичен, что о нем вряд ли могут иметь представление не участвовавшие в переписи и, тем более, иностранцы.

В архив бюро переписи населения, где хранились материалы переписи, уложенные в определенной системе на многочисленных полках, явились сотрудники НКВД в сопровождении начальника спецотдела ЦУНХУ. Все сотрудники бюро переписи, работавшие в архиве, а также начальник спецотдела были из помещения удалены. Даже начальник бюро переписи не имел права присутствовать при таинственном священнодействии агентов НКВД. Оставшись в архиве одни, они раскладывали принесенный с собою материал переписи заключенных и войск НКВД по тем нашим папкам, в которых хранился материал переписи, проведенной нами. На каждой папке имелась, в частности, надпись о количестве находящихся в ней переписных листов. Вкладывая туда переписные листы, сотрудники НКВД исправляли сразу запись о количестве переписных листов на папке, причем эти исправления делали настолько квалифицированно, что самый опытный глаз не смог бы ничего заметить.

В. Аппарат по подготовке и проведению переписи

Основным руководящим ядром всей работы по подготовке и проведению переписи являлись бюро переписи населения, организованные в республиках, краях, областях, округах, городах и районах в начале 1936 года при соответствующих управлениях народно-хозяйственного учета. Работа их носила преимущественно чисто технический характер — она производилась по готовым, преподнесенным из ЦУНХУ инструкциям и бланкам.

Все эти бюро были наделены большими правами, чем обыкновенные отделы ЦУНХУ. Как правило, республиканские, краевые и областные бюро переписи были выделены в автономные единицы. Они самостоятельно производили набор нужных им служащих, самостоятельно издавали приказы по бюро

и самостоятельно распоряжались кредитами, т. е. средствами на подготовку и проведение переписи. Только в письмах, отправляемых в Москву, обязательно была подпись начальника управления народно-хозяйственного учета.

Аппарат всех бюро переписи — республиканских, краевых, областных и в крупных городах — конструировался по определенному шаблону: начальник бюро — коммунист, его заместитель — беспартийный специалист и определенное количество служащих разных категорий, за редким исключением, беспартийных.

Всей работой фактически руководил беспартийный заместитель, но права подписи ни на бумагах, направляемых в центр, ни на внутренних распоряжениях (приказах) он не имел. Все подписывал начальник бюро, являвшийся партийным глазом, партийным комиссаром, обязанный следить за тем, чтобы при переписи враги народа не протащили какой либо крамолы, какой либо контрреволюции.

Если учесть это, а также полное отстранение местных статистиков от разработки основных документов переписи (бланков и инструкций), то станет ясным, в каких исключительно тяжелых условиях протекала вся их работа. Специалисты были совершенно лишены возможности проявить свою творческую инициативу в чем бы то ни было. Правда, в советских условиях, где за проявление инициативы приходится зачастую платить жизнью, такое превращение специалистов в автоматов спасло многих из них от последовавшей расправы.

На аппарат бюро переписи населения возлагалась организация подготовки и проведения переписи на подведомственной каждому бюро территории. В частности, на них возлагалась подготовка колоссальной армии счетчиков-регистратов и инструкторов переписи. О масштабах этой работы красноречиво говорит общая численность счетчиков, превысившая по всей стране 1,5 миллиона, и инструкторов — свыше 150 000 человек.

Дело весьма осложнялось тем, что местные органы власти, руководствуясь указаниями Москвы, стремились максимально насытить кадры счетников и инструкторов комсомольцами, обладавшими, в большинстве случаев, недостаточной для переписи грамотностью. Вследствие этого, при подготовке кадров переписи образовывался очень большой брак, приходилось по нескольку раз набирать новых работников и проводить подготовку заново.

Г. Составление списков населенных мест

Существеннейшее место в подготовительных к переписи работах и по трудоемкости занимало составление списков населенных мест. Значение этих списков определялось тем, что

полнота их гарантировала частично полноту охвата населения переписью.

Первый вариант списков был составлен сельскими советами уже в начале 1936 года. Краевое бюро переписи организовало одновременно сбор всех возможных вариантов списков населенных пунктов — через земотделы, финотделы и т. д. Все добытые варианты, включая список населенных пунктов по данным переписи 1926 года, сопоставлялись друг с другом, и в результате получался наиболее обширный список. Этот список давался на проверку местным органам УНХУ и, в заключительной стадии, уже осенью 1936 года, проверялся окончательно, путем личного объезда территории района работниками местных УНХУ.

При составлении и проверке списков выявилось, между прочим, что все, без исключения, списки, представленные сельскими советами, оказались дефектными — неполными, с одной стороны, и с абсолютно, в ряде случаев, неверными данными о численности населения, с другой стороны. Счастье нашего бюро переписи населения, что эти списки были тщательно проверены и исчерпывающе пополнены, иначе нас бы постигла печальная участь.

3. Отношение населения к переписи

Судя по целому ряду фактов, высшие партийные органы считали перепись весьма важным мероприятием. Об этом свидетельствует, прежде всего, тот факт, что постановление о переписи было подписано Сталиным, затем, что весь инструментарий переписи не только рассматривался и утверждался, но, частично, и разрабатывался в высших партийных органах, и, наконец, что переписи предшествовала такая же, примерно, кампания в печати, какая обычно предшествовала и предшествует самым серьезным государственным мероприятиям (государственные займы, хлебозаготовки и пр.).

В кампании участвовали не только все, без исключения, центральные и местные газеты, но даже были выпущены специальные брошюры. В газетных статьях и брошюрах говорилось о значении переписей для работы правительства по улучшению жизни населения, но главное внимание было сосредоточено на призывах отнестись к переписи со всей серьезностью и с полным доверием, давать только правдивые ответы, без боязни, что эти ответы будут использованы карательными органами; утверждалось, что тайна ответов гарантируется законом. В качестве примеров несознательного отношения к переписи приводились случаи, имевшие место при переписи 1897 года, когда целые группы фанатически настроенного населения,

по своей темноте, уклонялись от участия в переписи, даже сжигали сами себя. Помню, приводился даже конкретный пример такого самосожжения и подчеркивалось, что организатор этого акта сам спасся и сейчас работает в каком-то колхозе Одесской области. Была названа даже его фамилия.

Вся эта кампания преследовала единственную цель — убедить население в безобидности переписи. И, не странно ли, что она понадобилась в стране, где, по заявлениям вождей, достигнуто полное единение власти и народа, где абсолютно все правительственные акты принимаются населением неизменно с восторгом. Если бы эти заявления соответствовали действительности, то для такой акции, как перепись, конечно, не понадобилась бы поднятая в печати кампания. Лживость этих заявлений подтверждается не только общеизвестными фактами непрекращающейся борьбы российских народов с ненавистной властью, но и фактами, непосредственно связанными с переписью. Приведем два таких факта, имевших место при переписи в нашем крае.

Факт первый. В чисто рабочем районе, насчитывавшем около 300 тысяч населения, примерно, за неделю до переписи появилась прокламация. Несколько лет после переписи я помнил ее наизусть, сейчас могу, к сожалению, передать только ее содержание. Прокламация призывала народ к уклонению от переписи, которая представляет собою дело рук антихриста. На всех, кто примет в переписи участие, будет наложена антихристова печать. Если уж окажется невозможным избежать переписи, то не нужно скрывать, что ты верующий, а, наоборот, смело и открыто об этом заявлять, чтобы, таким образом, смягчить перед Господом Богом свою вину за участие в антихристовом деле.

Прокламация была написана от руки. В конце ее имелся следующий призыв: «Прочти, перепиши в трех экземплярах и раздай своим близким и знакомым.» Меньше, чем за неделю, район был ею буквально наводнен. Местные жители утверждали, что трудно было бы найти в районе семью, у которой бы эта прокламация не побывала, причем речь шла не только о беспартийных.

Второй факт. В южной части края, тоже примерно, за неделю до переписи, начало происходить странное явление, поставившее в тупик и районные, и краевые органы власти. У лавок потребительской кооперации, монопольно владеющей розничной торговой сетью в сельских местностях, стали собираться колоссальные очереди. Это было тем более странно, что, как известно, наличный товар в этих лавках состоял из совершенно ничтожного количества сахара и мануфактуры, а все полки

были забиты до отказа ячменным кофе, никому не нужной стеклянной посудой и бракованными железоскобяными товарами. Несмотря на такой ассортимент, население закупало все. Размер покупок ограничивался только материальной бедностью колхозников. В течение двух-трех дней лавки были полностью очищены не только от сахара и мануфактуры, но и от указанных неходовых товаров.

Встревоженные районные партийные и советские органы сообщили о происходящем в краевой центр. Здесь срочно созывается совещание при Крайторготделе (Краевой отдел внутренней торговли). Вопрос обсуждается долго, строятся всевозможные догадки, но никому не могла притти в голову мысль об истинных причинах. Наконец, выносится такое решение: срочно направить в районы юга залежавшиеся товары из краевых складов и, также срочно, послать в эти районы специальную комиссию для выяснения причин такого странного явления.

Комиссией было установлено, что причиной происходящего является предстоящая перепись. Среди населения был пущен слух о том, что все, кто при переписи запишется верующим, будет лишен права купить что-либо в кооперативе. И народ пошел закупать все.

Трудно решить, кем и с какой целью этот слух был пущен — коммунистами ли, желавшими запугать народ, чтобы в итогах переписи оказалось поменьше верующих, или антикоммунистами, чтобы влить в гущу народа еще одну каплю ненависти против большевистского владычества.

Для нас, представителей антикоммунистической эмиграции, решение этого вопроса не представляет существенного значения. Не важно, кто именно явился инициатором указанных двух народных демонстраций. Важно же то, что поведение населения недвусмысленно показало верность религии; что, несмотря на бешеную антирелигиозную пропаганду на протяжении 20 лет, несмотря на ликвидацию церквей и духовенства, — большевикам не удалось вытравить религиозное чувство у народа, оставшегося почти поголовно верующим.

А наиболее важным является то, что, оказывается, есть случаи, когда население избавляется от страха перед НКВД или, когда, несмотря на наличие этого страха, несмотря на ясное сознание личного ужаса от предстоящей участи, оно не считает возможным до конца, пусть даже только наружно, для показа, отказаться от того сокровенного, что не смогли замарать даже грязные большевистские руки.

Приведенные два факта — один из жизни рабочей, другой из жизни крестьянской (колхозной) среды — доказывают ложность того представления, которое распространяется на Западе, представления о силе всеобъемлющего страха в СССР.

Эти два факта свидетельствуют о том, что народ, несмотря на неумолкающую пропаганду, видит все в истинном свете и не верит большевикам, не верит никаким их обещаниям, гарантиям. Не верит потому, что видит и сознает ложь, которой переполнена вся жизнь в СССР.

4. Порядок проведения переписи и ее разработки

В числе проблем, связанных с переписью, вопрос о порядке проведения ее является одним из наиболее серьезных. От правильного его разрешения в значительной доле зависела полнота охвата населения переписью.

Нужно было, прежде всего, установить срок переписи. Надлежало найти такой срок, когда наличное население в каждом населенном пункте меньше всего отличается по своей численности и составу от постоянного, когда максимальное количество населения находится в месте своего постоянного жительства, т. е. дома. Раньше, до революции, таких сроков, которые одновременно охватывали наибольшую часть населения, было три: праздники Рождества Христова, Новый Год и Пасха. В эти дни все стремились быть дома, в кругу близких, родных, и в отъезде находилось минимальное количество. Как это, на первый взгляд, ни странно, но перепись 1937 года оказалась назначенной на рождественские дни. Очевидно, правители чувствовали, что все их старания в области антирелигиозной пропаганды не дали ощутительных результатов, что народ в массе все еще крепко держится за веру.

Наряду с этим, нужно было так организовать работу, чтобы перепись была проведена в кратчайший срок. Идеальной, в этом отношении, признается однодневная перепись. Но проведение переписи в один день весьма осложняется тем, что она требует очень большого числа счетчиков-регистраторов и инструкторов довольно высокого интеллектуального развития. Поэтому, при переписи 1937 года был принят комбинированный метод. Перепись проводилась дважды — в течение шести дней, без особой спешки, была проведена предварительная перепись, а на седьмой день, к которому официально была приурочена перепись, была организована сплошная проверка данных предварительной переписи. При этой проверке вычеркивали всех, кто из предварительно записанных выбыл, и дополнительно вписывали всех тех, кто в данном населенном пункте предварительно записан не был, а в день переписи оказался здесь налицо. Жители гостиниц, а также пассажиры поездов, пароходов переписывались только в день переписи. Такой порядок оправдал себя полностью.

Для получения возможности практического использования результатов переписи до окончания детальной разработки всех материалов, были организованы подсчеты предварительных итогов учтенного переписью населения. Итоги эти включали данные о численности населения (мужчин, женщин и обоего пола) по отдельным населенным пунктам. Основной подсчет предварительных итогов производили регистраторы, которые обязаны были уже на следующий после переписи день сдать инструктору весь материал переписи, в том числе и данные о численности учтенного ими населения. Инструкторы суммировали данные сообщений регистраторов и в тот же день передавали полученные ими итоги окружному (районному) руководителю переписи. Данные по округу (району) передавались в краевые (областные) бюро переписи населения через 2-3 дня после переписи по телефону (шифрованными телеграммами) и, одновременно, по почте посылалось письменное потверждение телефонного сообщения. В краевых (областных) бюро переписи населения производилась, прежде всего, сверка полученных с мест предварительных итогов с данными переписи 1926 года. Если выяснялось, что в 1937 году по тому или другому населенному пункту (району) учтено населения меньше, чем было там в 1926 году, или столько же, — то в этом населенном пункте (районе) проводилась срочно проверочная перепись. Для руководства проведением такой переписи обязательно выезжал представитель краевого (областного) бюро переписи населения в соответствующие населенные пункты. Только после указанных сверки и проведия проверочных переписей, т. е., примерно, через 7-8 дней после дня переписи, краевые (областные) бюро переписи сообщали в Москву предварительные итоги численности населения по краю (области) шифрованными телеграммами и, одновременно, по почте. Из районов, не имевших телеграфа, а также с пароходов, находившихся в плавании, предварительные итоги передались в Москву по радио. Таким образом, Центральное Бюро переписи населения в Москве располагало полными данными о численности населения по всей стране уже на девятый-десятый день после переписи.

Предполагалось, что эти данные через 2-3 недели после переписи, как это было после переписи 1926 года, будут опубликованы в печати. Мы тоже стали готовить списки населенных пунктов с данными о численности населения по краю. Однако, как оказалось, ни предварительным, ни окончательным итогам переписи 1937 года не суждено было увидеть свет. О причинах этого факта будет сказано ниже, в специальной главе.

Разработка материалов переписи строилась с таким расчетом, чтобы всю работу закончить в годичный срок. С обычным

зазнайством указывалось, что только в стране победившего социализма возможно проведение этой работы в такой рекордно короткий срок. В противоположность этому, для большей убедительности и наглядности достижений страны победившего социализма приводился пример Всероссийской переписи 1897 года, разработка которой растянулась было на 17 лет и, из-за первой мировой войны, так и не была закончена.

Порядок разработки материалов переписи был установлен следующий: все краевые (областные) бюро переписи занимались только шифровкой[1]), причем проведение каких-либо подсчетов было им категорически запрещено. Перфорация[2]) всего материала и подсчет производились в двух гигантских машиносчетных станциях, специально построенных для разработки материалов переписи — одна в Харькове, другая в Ленинграде.

Следует отметить один весьма занимательный факт, имевший место при шифрованных работах. Для этих работ были специально изданы объемистые словари-коды. Занятия были расположены в алфавитном порядке, и для каждого давался условный знак-шифр. Случай произошел при шифровке переписного листа, заполненного на члена ВКП(б). Известно, что руководители ВКП(б) называются секретарями. В словаре занятий имелся для секретарей только один шифр. Естественно, поэтому, что при шифровке переписного листа, заполненного на секретаря крайкома (обкома) ВКП(б), возник у нас вопрос, как зашифровать его данные. Нам представлялось неправильным, что технический секретарь какой-нибудь кустарной артели имеет тот же шифр, что и руководитель организации — крайкома, горкома, райкома ВКП(б) и т. д. Запросили по этому поводу Центральное Бюро Переписи при ЦУНХУ. Ответ был предельно лаконичен: «Всех секретарей, независимо от того, где они работает, шифровать одним и тем же шифром, указанным в словаре». Как оказалось потом, этот вопрос возник не только у нас, а у всех, без исключения, бюро переписи населения. Этот же шифр был записан и в переписном листе генерального секретаря ВКП(б) — Сталина.

Несомненно, что этот странный факт не является случайным, что он был продиктован какими-то особыми соображениями, что этим путем хотели что-то спрятать и, несомненно, спрятали. К сожалению, ключ к его разгадке найти не удалось.

---

1) Шифровка — запись в определенных местах переписного листа условных знаков, присвоенных каждому ответу на вопросы переписного листа. Производилась она только синими карандашами, специально изготовленными на фабриках для этой цели.

2) Перфорация — перенос шифров на специальные карточки, путем пробивки на них в соответствующих местах дырочек.

Для получения возможности практического использования результатов переписи до окончания детальной разработки всех материалов, были организованы подсчеты предварительных итогов учтенного переписью населения. Итоги эти включали данные о численности населения (мужчин, женщин и обоего пола) по отдельным населенным пунктам. Основной подсчет предварительных итогов производили регистраторы, которые обязаны были уже на следующий после переписи день сдать инструктору весь материал переписи, в том числе и данные о численности учтенного ими населения. Инструкторы суммировали данные сообщений регистраторов и в тот же день передавали полученные ими итоги окружному (районному) руководителю переписи. Данные по округу (району) передавались в краевые (областные) бюро переписи населения через 2-3 дня после переписи по телефону (шифрованными телеграммами) и, одновременно, по почте посылалось письменное потверждение телефонного сообщения. В краевых (областных) бюро переписи населения производилась, прежде всего, сверка полученных с мест предварительных итогов с данными переписи 1926 года. Если выяснялось, что в 1937 году по тому или другому населенному пункту (району) учтено населения меньше, чем было там в 1926 году, или столько же, — то в этом населенном пункте (районе) проводилась срочно проверочная перепись. Для руководства проведением такой переписи обязательно выезжал представитель краевого (областного) бюро переписи населения в соответствующие населенные пункты. Только после указанных сверки и проведия проверочных переписей, т. е., примерно, через 7-8 дней после дня переписи, краевые (областные) бюро переписи сообщали в Москву предварительные итоги численности населения по краю (области) шифрованными телеграммами и, одновременно, по почте. Из районов, не имевших телеграфа, а также с пароходов, находившихся в плавании, предварительные итоги передались в Москву по радио. Таким образом, Центральное Бюро переписи населения в Москве располагало полными данными о численности населения по всей стране уже на девятый-десятый день после переписи.

Предполагалось, что эти данные через 2-3 недели после переписи, как это было после переписи 1926 года, будут опубликованы в печати. Мы тоже стали готовить списки населенных пунктов с данными о численности населения по краю. Однако, как оказалось, ни предварительным, ни окончательным итогам переписи 1937 года не суждено было увидеть свет. О причинах этого факта будет сказано ниже, в специальной главе.

Разработка материалов переписи строилась с таким расчетом, чтобы всю работу закончить в годичный срок. С обычным

зазнайством указывалось, что только в стране победившего социализма возможно проведение этой работы в такой рекордно короткий срок. В противоположность этому, для большей убедительности и наглядности достижений страны победившего социализма приводился пример Всероссийской переписи 1897 года, разработка которой растянулась было на 17 лет и, из-за первой мировой войнны, так и не была закончена.

Порядок разработки материалов переписи был установлен следующий: все краевые (областные) бюро переписи занимались только шифровкой[1]), причем проведение каких-либо подсчетов было им категорически запрещено. Перфорация[2]) всего материала и подсчет производились в двух гигантских машиносчетных станциях, специально построенных для разработки материалов переписи — одна в Харькове, другая в Ленинграде.

Следует отметить один весьма занимательный факт, имевший место при шифрованных работах. Для этих работ были специально изданы объемистые словари-коды. Занятия были расположены в алфавитном порядке, и для каждого давался условный знак-шифр. Случай произошел при шифровке переписного листа, заполненного на члена ВКП(б). Известно, что руководители ВКП(б) называются секретарями. В словаре занятий имелся для секретарей только один шифр. Естественно, поэтому, что при шифровке переписного листа, заполненного на секретаря крайкома (обкома) ВКП(б), возник у нас вопрос, как зашифровать его данные. Нам представлялось неправильным, что технический секретарь какой-нибудь кустарной артели имеет тот же шифр, что и руководитель организации — крайкома, горкома, райкома ВКП(б) и т. д. Запросили по этому поводу Центральное Бюро Переписи при ЦУНХУ. Ответ был предельно лаконичен: «Всех секретарей, независимо от того, где они работает, шифровать одним и тем же шифром, указанным в словаре». Как оказалось потом, этот вопрос возник не только у нас, а у всех, без исключения, бюро переписи населения. Этот же шифр был записан и в переписном листе генерального секретаря ВКП(б) — Сталина.

Несомненно, что этот странный факт не является случайным, что он был продиктован какими-то особыми соображениями, что этим путем хотели что-то спрятать и, несомненно, спрятали. К сожалению, ключ к его разгадке найти не удалось.

---

1) Шифровка — запись в определенных местах переписного листа условных знаков, присвоенных каждому ответу на вопросы переписного листа. Производилась она только синими карандашами, специально изготовленными на фабриках для этой цели.

2) Перфорация — перенос шифров на специальные карточки, путем пробивки на них в соответствующих местах дырочек.

Известно, что результаты переписи 1937 года были признаны правительством неудовлетворительными. Казалось бы поэтому естественным, что не имело никакого смысла затрачивать многие десятки миллионов[1]) на разработку дефектного материала переписи. Однако, разработка не прекратилась и после постановления правительства, опорочившего материалы переписи. Наоборот, она продолжалась форсированными темпами (в три смены) до полного ее окончания, даже с перерасходом средств против сметы. Из этого следует, что постановление правительства было вынесено по каким-то особым соображениям и что данная этим постановлением оценка переписи не соответствовала действительности. Соображения эти вполне сейчас ясны. Руководители ВКП(б) никак не могли допустить публикации итогов переписи, так как учтенная перепись населения слишком красноречиво и неопровержимо продемонстрировала бы перед всем миром ужас советской действительности, а данные по вопросу переписного листа — «верующий или нет?» — показали бы наглядно и внутри страны всю бесполезность стараний вытравить религиозные убеждения у подсоветских народов. Располагая итогами этой переписи, опытный статистик мог бы без особого труда определить, во сколько миллионов жизней обошлись индустриализация, коллективизация и вообще весь комплекс социалистического строительства. Поэтому, и только поэтому, перепись была официально опорочена, только поэтому погибли тысячи участников переписи. Результаты же переписи были партийными органами использованы в полной мере.

5. Результаты переписи 1937 года

Все участники переписи с нетерпением ждали публикации предварительных итогов. Но прошел месяц, другой, третий, а публикации все не было. Специалисты-статистики встревожились. Не подлежало сомнению, что с переписью произошло что-то неладное. Но что? Напрасно старались найти объяснение. О возможности недоучета при переписи никто не думал, зная, с какой тщательностью были произведены подготовительные работы и вся перепись. Нужно было что-то предпринять, как-то узнать о происходящем в центре, но, что именно нужно сделать, мы долго не могли решить. Наконец, было решено просить начальника нашего управления поехать в Москву и там постараться все выяснить. Следует сказать, что он, как старый земский статистик, был своим человеком в среде статистиков в

*) По смете расход выражался кругло в сумме 150 миллионов рублей, включая и расходы по шифровке.

ЦУНХУ и, кроме того, был родственником наркома одного из крупнейших наркоматов (ныне министерств). Поэтому, мы полагали, что он имел большие шансы разузнать все по волновавшему нас вопросу, чем кто-либо другой.

Без особой охоты согласился он на поездку. Подействовало наше указание на то, что, если суждено чему-нибудь случиться, он, как начальник управления, пострадает в первую очередь. Если же удастся заблаговременно узнать, в чем дело, не исключено, что мы сможем найти какой-то выход, смягчить готовящийся удар и, может быть, предотвратить его вовсе.

Дня через четыре, показавшиеся нам вечностью, начальник вернулся. Уже по внешнему его виду не трудно было догадаться, что результаты поездки оказались благоприятными. То, что ему удалось выяснить, он рассказал нам частично прямо, частично же косвенно, намеками. Вот, вкратце его рассказ:

«В подавляющее большинство районов страны направляются специальные комиссии ЦК ВКП(б) для проверки полноты охвата переписью населения. К нам приезд такой комиссии не намечен, так как мы учли при переписи на 200 тысяч человек больше, чем значилось по нашему краю в расчетах ЦУНХУ. Всем краям, областям, республикам выставлены правительственной комиссией оценки за проведенную перепись. Мы получили 5, т. е. высший балл. У руководителей ЦУНХУ и Центрального Бюро Переписи населения еще большая тревога и растерянность, чем у нас. Все они заняты разработкой системы поправочных коэфициентов к итогам переписи, и просили нас тоже этим срочно заняться. Надеются, что предложение удачно разработанных поправочных коэфициентов сможет предотвратить или хотя бы ослабить надвигающуюся грозу. Нам нужно, поэтому, помочь ЦУНХУ обосновать возможно максимальный процент недоучета населения при переписи по нашему краю, а также по стране, в целом, и, кроме того, разработать методику практического применения поправочных коэфициентов к итогам переписи по районам, возрастам, занятиям и т. д.»

Предложение ЦУНХУ об обосновании поправочного коэфициента к итогам переписи и о разработке методики применения поправок во всех конкретных случаях обсуждались нами неоднократно. Учитывая, что подготовка к переписи и сама перепись были проведены у нас весьма тщательно, мы были твердо убеждены в том, что недоучет населения мог быть крайне незначительным и, следовательно, выражался бы в сотых долях процента. Сообщили об этому начальнику нашего ЦУНХУ. Оказалось, что речь идет о коэфициенте около 10%, что предлагаемые нами размеры поправок никого не устроят. От обоснования такого поправочного коэфициента мы решительно отказались, мотивируя свой отказ, во-первых, тем, что недоучет

населения в таких гомерических размерах категорически исключается даже при переписях невысокого качества, и, во-вторых, тем, что теоретическое обоснование такого по размерам коэфициента привлечет внимание органов НКВД. Начальник управления с нашими доводами согласился, и больше этот вопрос у нас не поднимался.

Чрезвычайный интерес представляет вопрос о первоисточнике предложения по разработке методики применения поправочного коэфициента и установлении размера этого коэфициента. Надо полагать, что делалось это по инициативе работников Центрального Бюро Переписи населения ЦУНХУ. Если бы инициатива исходила из высших партийных кругов, то это было бы сделано и не понадобились бы никакие теоретические обоснования. Нет сомнений, что руководство ЦУНХУ слышало некоторые разговоры о переписи в высших партийный органах. Также нет сомнений, что учтенная переписью численность населения эти органы не устраивала. Если считать, что при нормальных условиях численность населения должна была достигнуть в 1937 году 174 миллионов человек и что к итогам переписи требовалась поправка в размере до 10%, то это значит, что переписью было учтено максимально 158 миллионов человек. Это значит, что со времени последней переписи (1926 год), т. е. за 10 лет, прирост населения выразился всего в 11 миллионах. И это, при условии, что незадолго до переписи Сталин декларировал ежегодный прирост населения СССР равным населению Финляндии — около 3 миллионов человек. Арифметика оказалась сильнее Сталина: трижды десять оказалось не 30, а всего 11.

Ш. Перепись населения 1939 года

Итак, основные причины признания результатов переписи 1937 года неудовлетворительными заключались в том, что переписью было учтено населения значительно меньше, чем ожидало или хотело руководство ВКП(б), и что примененная для переписи техника не позволяла внести в итоги механически надлежащие поправки.

Поэтому, перепись 1939 года строилась так, что ее результаты дали не реальную (реальную Политбюро знало по данным переписи 1937 года), а возможно максимальную численность населения, чтобы, таким образом, покрыть, хотя бы частично, многомиллионные потери населения со времени переписи 1926 года. Удачное применение предварительной, профилактической фальсификации по группам безработных, заключенных и армии навело, очевидно, на мысль о возможности применения какого-то профилактического средства и для обеспечения в результате переписи нужного количества населения.

Выполнению этой задачи должно было помочь решение о производстве переписи обеих категорий населения — наличного и постоянного. Дело представлялось практически в следующем виде: все, находившиеся во время переписи вне своего постоянного местожительства, переписывались дома, как постоянные жители; кроме того, там, где их застала перепись (в поезде, гостинице и т. д.), они переписывались, как наличное население. Пока в этом предложении порядка переписи ничего, противоречащего теории и практике проведения переписей, нет.

Официально полагалось, чтобы копии переписных листов, составленные на лиц последней категории (наличное население), пересылались в бюро переписи населения тех краев (областей), в которых эти лица являлись постоянными жителями. Полученные копии переписных листов должны были сверяться каждым бюро переписи населения с переписными листами, составленными на постоянных жителей, и, если данное лицо было переписано, как постоянный житель, то присланная копия переписного листа подлежала уничтожению. Если же оказывалось, что данное лицо, как постоянный житель, в перепись не попало, — то на него составляли новый бланк, как на постоянного жителя, а присланная копия тоже уничтожалась. Формально и эта часть не страдает никакими прогрешностями.

Практически же местные статистические органы, наученные результатами переписи 1937 года, старались добиться возможно большей численности населения. Как правило, карточки на приезжих они никогда не отправляли, а включали их в число постоянного населения своего края (области). В качестве подтверждения указанного факта достаточно заметить, что в нашем крае, насчитывавшем свыше 7 миллионов населения, было получено от бюро переписи других краев (областей) всего 30 карточек. Такое же количество копий переписных листов было отправлено нашим бюро переписи в другие края (области).

Но это не все. Много споров и предложений вызвал вопрос о технике проведения переписи лиц, находившихся в день переписи вне своего постоянного местожительства. Это, между прочим, был единственный вопрос, который был поставлен центром на обсуждение местных статистических органов. Решение его оказалось довольно оригинальным. Всем, находившимся в день переписи вне населенного пункта своего постоянного местожительства, должны были при переписи выдаваться специальные талончики, как подтверждение, что данное лицо

уже охвачено переписью. Без предъявления талончиков никаким заявлениям о прохождении переписи не верить — таково было требование к регистраторам. Утери этих талончиков носили массовый характер, так как население не придавало им серьезного значения. В результате, значительное количество населения оказалось переписанным дважды. Само собой разумеется, что почти все эти двойные карточки шли в общую массу и добавили к итогам переписи немалое количество несуществующего населения.

На первый взгляд, нет оснований обвинять партию и правительство в указанных фактах профилактической фальсификации результатов переписи. На самом же деле, вряд-ли можно сомневаться в том, что порядок такой был установлен сознательно, именно в расчете на то, что, проученные опытом переписи 1937 года, местные статистические органы постараются понять и использовать открывшиеся для них возможности искусственного увеличения численности населения. Такого рода утверждение основано на том, что из проводимых махинаций никто секрета не делал.

Можно смело утверждать, что, в результате принятого порядка переписи, общая численность населения страны увеличилась минимально на 3—3,5%, т. е. на 5—6 миллионов человек, и что фактическая численность учтенного населения выразилась максимально в 164-165 миллионов, а не в 170 миллионов человек, как это было объявлено в печати.

К указанной цифре — 164 миллиона — мы приходим и другим путем. Выше (см. стр. 32) было установлено, что вероятная численность населения, учтенная переписью 1937 года, оказалась равной, примерно, 158 миллионам человек. Если к этому количеству прибавить прирост за 2 года (с 1937 по 1939 г.) в размере 5-6 миллионов, то для 1939 года получим 163-164 миллиона.

Если бы развитие страны проходило с 1927 года (после переписи 1926 года) нормально, без особых потрясений, то в 1939 году численность населения составила бы, кругло, 180 миллионов человек[1]). Но за указанный период времени страна пережила три катастрофы: коллективизацию, голод и ежовщину. Я не упоминаю о четвертой — об индустриализации, которая действовала беспрерывно, действует и сейчас. Все эти катастрофы, вызванные к жизни не стихийными причинами, а сознательными актами органов власти, привели к потере 16 миллионов населения.

[1]) Если принять декларированный Сталиным прирост, от которого он, правда, на XVIII съезде ВКП(б) отказался, то в 1939 году должно было быть налицо даже 182 миллиона человек.

В этом числе, содержится, правда, условная величина. Это, примерно, 3 миллиона потерь рождаемости в разгар коллективизации и в голодный год. Без этих 3 миллионов реальные жертвы, количество погибших в этих катастрофах людей, достигают чудовищной цифры в размере 13 миллионов человек. И в этой чудовищной цифре заключается сущность той жуткой правды, которая, несмотря на все профилактические меры, пробилась из данных одних уже советских переписей 1926, 1937 и 1939 гг.

Резюмэ

За послереволюционный период (после 1917 года) на территории СССР, в границах 1939 года, было провено четыре переписи.

Две из них — 1920 и 1937 гг. — официально признаны неудавшимися.

Первая оказалась действительно неудачной, вследствие того, что на части территории еще продолжалась гражданская война и что значительное количество населения, по политическим соображениям, уклонилось от переписи или давало неправильные о себе сведения.

Вторая перепись, признанная официально неудовлетворительной, полностью выявила тот беспредельный цинизм, который так характерен для всего руководства советской системы. Так, неудовлетворительные разультаты переписи обосновывались нарушением основ статистической науки, хотя все основные документы переписи были утверждены и подписаны Сталиным и Молотовым, а статистик Квиткин, возглавлявший фактически бюро переписи и протестовавший против этого, был объявлен врагом народа и исчез. Наряду с этим, инструкционными указаниями о порядке записи занятий была проведена полная профилактическая фальсификация итогов переписи по разделу занятий. В материалах переписи, вследствие этого, не оказалось ни безработных, ни заключенных, ни военнослужащих, ни партийного аппарата, хотя переписные листы на всех входящих в эти группы были составлены и включены в общие материалы. Наконец, не соответствует действительности заявление о неудовлетворительности результатов переписи, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что разработка материалов переписи продолжалась и после решения правительства и была доведена до конца. О качестве результатов можно было иметь суждение только после конца разработки, или, если часть разработки давала недоброкачественные результаты, то не было никакого смысла продолжать работу, тратить на это десятки миллионов рублей.

Действительной причиной признания переписи 1937 года неудовлетворительной является то, что, хотя переписью, безусловно, было учтено население полностью, общая численность населения оказалась, примерно, на 10% ниже, чем этого хотело Политбюро ВКП(б).

Две другие переписи были признаны официально доброкачественными.

Доброкачественнось данных переписи 1926 года не вызывает сомнений. Материалы разработки этой переписи были полностью опубликованы. В ее подготовке и проведении принимали активное участие все наличные статистические силы.

Иначе обстоит дело с переписью 1939 года. Наряду с теми же приемами предварительной фальсификации, которые были применены при переписи 1937 года, в 1939 году был использован еще один прием (двойной счет), который обеспечил искусственное увеличение населения, примерно, на 6 миллионов человек. Увеличенная против действительности численность населения нужна была для того, чтобы, хоть частично, фиктивно возместить многомиллионные массы погибшего населения.

Официальные данные о численности населения на территории СССР в границах до 1939 года, по опубликованным итогам переписей (на 1. 1. 1914 г. данные официальных исчислений, тоже опубликованные), представляются в следующем виде:

Годы	Общая численность	Прирост от срока к сроку	Среднегодовой прирост
	в млн. чел.	в млн. чел.	в %%
1897	106	—	—
1914	139	33	1,70
1926	147	8	0,42
1939	170	23	1,31

Достаточно бегло взглянуть на приведенные цифры, чтобы дать должную оценку советской действительности. Если исключить катастрофическое падение прироста населения с 1914 года, обусловленное первой мировой и, затем, гражданской войнами (хотя ответственность за последнюю и ложится на большевиков), — то для периода с 1926 по 1939 год нельзя уже найти никаких «смягчающих» объяснений. Ведь это был не военный,

а «мирный» период, и, тем не менее, прирост населения в среднем в год сократился, относительно, почти на четверть. Если же учесть, что, благодаря применению при переписи 1939 года двойного счета, численность населения оказалась повышенной минимально на 6 миллионов человек, то относительный среднегодовый прирост окажется равным всего 0,97% или на 43% ниже, чем в предреволюционное время.

Такое невероятное по размерам сокращение прироста населения находит свое полное объяснение в господствующей в СССР системе террора. Количество погибших за период с 1918 по 1939 год иллюстрируется следующими минимальными данными (в миллионах человек):

Показатели	1926 г.	1939 г. 1-й вариант	1939 г. 2-й вариант
1. Общая численность населения:			
а) расчитанная нами для нормальных условий	173	180	180
б) по данным переписей	147	170	164***)
2. Разность (а — б)	26	10	16
3. Условные потери	13*)	3**)	3**)
4. Чистые потери	13	7	13

*) Потери в войне 1914 — 1917 г.г. — 6 млн. чел.
Сокращение рождаемости — 4 „ „
Эмиграция — 3 „ „
**) Сокращение рождаемости — 3 „ „
***) Двойной счет при переписи 1939 г. — 6 „ „

В своей работе я совсем не касаюсь ни огромных материальных и повседневных жертв, приведших население к предельной нищете, к истощению, которое скажется еще на будущих поколениях, ни того ужасного морального состояния, того ощущения обреченности, которое является результатом полного безправия, беззакония. Все это не входит, во-первых, в трактуемую тему, а, во-вторых, совершенно поглощается морем пролитой и проливаемой большевиками крови, организованным уничтожением десятков миллионов людей.

Конкретно:

а) За период гражданской войны погибло	**— 7,3**	**млн. чел.**
б) От голода в 1921 22 году умерло и с 1921 по 1926 г. уничтожено в застенках ЧК	**— 5,7**	**„ „**
в) За период индустриализации, коллективизации и ежовщины (1927 — 1938 г.) погибло	**— 13,0**	**„ „**
в т. ч. умерло от организованного большевиками голода в 1932-33 г.	**— 7,0**	**„ „**
г) За период последней войны (1941-1945), не считая замученных в подвалах НКВД	**— 10 0**	**„ „**
Итого . .	**— 36,0**	**млн. чел.**

Если к этому прибавить еще уничтоженных в годы с 1939 по 1945, то, очевидно, получится цифра, превышающая 40 миллионов человек. Это значит, что за 26 лет в СССР уничтожено людей больше, чем все население Франции, немногим меньше, чем все население западной Германии, и т. д.

Если бы всех погибших построить в одну шеренгу во фронт, то эта шеренга растянулась бы на 20 тыс. километров.

Но это еще не все. Счет был бы неполным, если бы ничего не было сказано о 15 миллионах заключенных в концентрационных лагерях, т. е. о 15 миллионах несомненных кандидатов на пополнение уже погибших «врагов народа». Вместе с ними количество жертв большевистского режима достигнет 55 миллионов человек.

А сколько жертв принес послевоенный период?

Несомненно, еще ряд миллионов.

SUMMARY

Census Methods in the U.S.S.R.

by P. Galin

Four attempts were made to count the population of the U.S.S.R. during the period beginning with the close of the Revolution and ending before the Second World War in 1920, in 1926, in 1937 and the last in 1939.

The first was by official admission a failure. At that time, 1920, civil war continued in part of the territory and there was widespread evasion of the consus by countless false statements of personal status, and other means.

The census of 1937 was also by official admission a failure; but it provides an interesting demonstration of the cynism which is such a characteristic feature of the Soviet system of government. In the firs place all the important documents of the 1937 census were approved and signed by Stalin and Molotoff. Nevertheless when results were seen as unsatisfactory blame was placed upon alleged violations of basic principles of the science of statistics. The statistician Kvitkin — actual head of the department — who had raised some protests, was declared "an enemy of the people", and he subsequently disappeared. The official declaration that the methods pursued were wrong would suggest the rejection of the material but this is not what happened. Work was continued on the defective material and the entire project ultimately brought to some sort of conclusion. In the first place, of course, no sound opinion could have been had as to the quality of the work being done before it had been completed; and in the second place, if the work was defective it would seen to be senseless to spend millions of rubles in its completion. But in this completion, in pursuance of certain instructions as to the order of entries, statistical facts relating to groupings of professions and occupations were grossly falsified. In consequence this census was barren of entries as to the unemployeg, detainees, enlisted personnel and party officials, although lists of these groups had been made and were included in the general records.

The true reason this census of 1937 had been declared based upon wrong statistical methods was that it indicated that the population was approximately ten per cent less than expected by the Politburo VKP (b).

The positive qualities of the 1926 census are beyond doubt. All available statistical experts took active part in its preparation and conduct: Its documentary material was publishedin full.

But the census of 1939 ws quite another matter. Here again were used the precautionary measures of falsification already used in the 1937 census. In addition a new measure (the double count) was introduced by means of which the population was artifically increased by approximately six millions. This falsification was necessary to conceal the loss of millions of persons.

Official statements published as to the population of the U.S.S.R.'s territory in its boundaries up to 1939 (the official figures for 1. 1. 1914 had been published as well) show the following figures:

Years:	Heads of population in millions	Increase from period to period in millions	Average increase per year in per cents
1897	106	—	—
1914	139	33	1,70
1926	147	8	0,42
1939	170	23	1,31

A glance at these figures should be sufficient for an estimate of sowiet realities. Even if one makes allowances for the catastrophic decrease of population after 1914, due to the first world war and, later, to the civil war (for which the burden of responsability lies upon the bolshevists themselves) no "attenuating" circumstances may be found for the period from 1926 to 1939. This was not a period of war but of peace; in spite of this the increase of the population was reduced by nearly a quarter of it's average per year. If, in addition, one takes into account the method of "double count" adapted at the 1939 census, by which the number of population was raised by at least six millions, one arrives at an average increase of population of 0,97%, which is 43% less than during the pre-revolutionary period.

This appalling reduction in the increase of the population is explained by the Terror. The number of persons who perished between 1918 and 1939 is illustrated by the following minimum figures (in millions of heads):

Index:	1926	1939 first variation	1939 second variation
1. Total of population:			
a) calculated by us on the basis of normal conditions	173	180	180
b) according to official counts . . .	147	170	164***)

2. Difference (a—b)	26	10	16
3. Conditional losses	13*)	3**)	3**)
4. Net losses	13	7	13

*) Losses due to the 1914—1917 war — 6 millions
Birth decrease . . . . . — 4 millions
Emigration . . . . . — 3 millions
**) Birth decrease . . . . . — 3 millions
***) Double count at the 1939 census — 6 millions.

In the present report I have omitted mention of daily sacrifices which have brought the population to the verge of utter destitution, and the consequences of which will be felt by future generations as well; nor have I touched upon moral aspects and the prevailing atmosphere of doom, which accompanies lawlesness and complete lack of rights.

In concreto:

a) Number of persons perished during the civil war .	7,3 millions
b) Number of persons who died of hunger in 1921/1922 and who were exterminated by the Cheka in 1926	5,7 millions
c) Number of persons who perished during the periods of industrialisation, of collectivisation and of the "Yeshovshchina" . . . . . amongst these approx. 7—10 millions persons died of the hunger organized by the bolshevists in 1932 to 1933	13,0 millions
d) Number of persons who died during the last war (1941 to 1945), whereby all those who were tortured to death in the cellars of the NKWD are not included	10,0 millions
Sa. . . .	36,0 millions

If one adds to these figures the number of those who were exterminated in the years 1939 to 1945, one arrives at a figure exceeding 40 millions of persons. In other wordes the number of persons exterminated in U.S.S.R. during these 26 years is equal to the entire population of France, is little less than the population of Western Germany, and so on.

If one could form a line of all these victims, it's length would amount to 20 thousand kilometres.

Nor is this all. The count would be still incomplete if one would fail to mention the 15 millions persons who are either detained or interned in concentration camps, i. e. 15 millions candidates for a fate equal to that of the "enemies of the people" already exterminated. If one adds their number to the above figures, the number of victims of the bolschewik regime will have reached 55 millions.

P. Galin:

Die Durchführungsart von Volkszählungen in der UdSSR.

(Zusammenfassung)

In dem Zeitabschnitt nach der Revolution (nach 1917) wurden auf dem Gebiet der UdSSR, in den Grenzen von 1939, vier Volkszählungen durchgeführt.

Zwei davon — diejenige von 1920 und von 1937 — wurden offiziell als mißlungen anerkannt.

Die erste war tatsächlich mißlungen, da in einem Teil des Gebietes der Bürgerkrieg noch fortdauerte und da ein großer Teil der Bevölkerung sich aus politischen Erwägungen der Zählung entzog und unrichtige Angaben machte.

Die zweite Volkszählung, die offiziell als unbefriedigend anerkannt wurde, offenbarte höchst vollkommen den grenzenlosen Zynismus, der so typisch für die ganze Führung des Sowjetsystems ist. So wurden die unbefriedigenden Ergebnisse der Volkszählung durch die Verletzung der Grundsätze der statistischen Wissenschaft erklärt, obwohl die grundlegenden dokumentarischen Angaben von Stalin und Molotow bestätigt und unterzeichnet waren, und der Statistiker Kwitkin, der dem Volkszählungsamt vorstand, und gegen diese Behauptung Einspruch erhob, als Volksfeind erklärt wurde und verschwand. Gleichzeitig wurde mittels Weisungen über die Eintragung der Berufe eine gänzliche prophylaktische Falsifikation der Ergebnisse der Zählung in bezug auf die Aufteilung der Berufe durchgeführt. Infolgedessen wiesen die Angaben der Zählung weder Arbeitslose, noch Häftlinge, noch Dienstverpflichtete, noch Parteiarbeiter auf, obwohl Zählungsblätter für alle diese Gruppen aufgestellt und in die gesamten Angaben eingeschlossen waren. Schließlich spricht gegen die Erklärung der Ergebnisse der Zählung als unbefriedigend allein die Tatsache, daß die Bearbeitung der Zählungsunterlagen auch nach dem Erlaß der Regierung fortgesetzt und bis zum Ende geführt worden ist. Über die Güte der Ergebnisse kann man nur nach Beendigung der Bearbeitung urteilen; wenn aber ein Teil der Arbeiten Ergebnisse von schlechter Qualität ergab, so hatte es gar keinen Sinn, die Arbeit fortzusetzen und viele Millionzehnte von Rubeln dafür auszugeben.

Der wahre Grund für die Erklärung der Volkszählung 1937 als einer unbefriedigenden ist der, daß die Gesamtzahl der Bevölkerung sich um ca. 10% geringer als es dem Politbüro der KPdSU(B) genehm

war, ergab, obwohl die gesamte Bevölkerung berücksichtigt worden war.

Die beiden anderen Volkszählungen wurden offiziell als befriedigend anerkannt.

Die Güte der Angaben der Volkszählung von 1926 unterliegt keinem Zweifel. Die Ergebnisse der Bearbeitung dieser Angaben wurden vollzählig veröffentlicht. An der Vorbereitung und Durchführung dieser Zählung nahmen aktiven Anteil alle vorhandenen statistischen Kräfte.

Anders ist es mit der Volkszählung von 1939 bestellt. Neben den gleichen Verfahren der vorausgehenden Falsifikation, die bei der Volkszählung von 1937 Anwendung fanden, wurde im Jahre 1939 noch eine Handhabung eingeführt (die doppelte Zählung), die die künstliche Erhöhung der Volkszahl um ca. 6 Millionen Menschen gewährleistete. Die gegenüber der wirklichen gesteigerte Volkszahl war erforderlich, um wenigstens teilweise die Millionenmengen der umgekommenen Bevölkerung abzudecken.

Die offiziellen Angaben über die Volkszahl auf dem Gebiet der UdSSR. in den Grenzen von 1939 sehen nach den veröffentlichten Ergebnissen der Volkszählungen (Angaben nach dem Stand vom 1. 1. 51 — ebenfalls veröffentlichte offizielle Berechnungen) wie folgt aus:

Jahre	Gesamtzahl Mill. Menschen	Zuwachs vom Termin zu Termin Mill. Menschen	Durchschnittl. jährl. Zuwachs Mill. Menschen
1897	106	—	—
1914	139	33	1,70
1926	147	8	0,42
1939	170	23	1,31

Ein flüchtiger Blick auf die angeführten Zahlen genügt, um die sowjetische Wirklichkeit richtig werten zu können. Schließt man den katastrophalen Sturz des Zuwachses der Bevölkerung ab 1914 aus, der durch den ersten Weltkrieg und danach durch den Bürgerkrieg verursacht wurde (obwohl die Verantwortung für den letzteren gänzlich auf den Bolschewiken lastet), so findet man für den Zeitabschnitt von 1926 bis 1939 keinerlei „mildernde Umstände". Dies waren ja keine Kriegs-, sondern Friedenszeiten, dabei sank der Bevölkerungszuwachs im Durchschnitt pro Jahr entsprechend fast um ein Viertel. Wenn man berücksichtigt, daß infolge der bei der Volkszählung 1939 angewandten doppelten Zählung die Volkszahl sich als zumindestens um 6 Mill. Menschen erhöht erwies, so wird der entsprechende durchschnittliche Jahreszuwachs lediglich 0,97% ausmachen bzw. um 43% tiefer als vor der Revolution liegen.

Ein seinen Ausmaßen nach so unglaubliches Absinken des Bevölkerungszuwachses findet seine volle Erklärung in dem in der UdSSR herrschenden Terrorsystem. Die Zahl der in der Zeitspanne von 1918 bis 1939 umgekommenen Menschen wird durch nachfolgende Minimalangaben (in Mill. Menschen) veranschaulicht:

Wertmesser	1926	1939 1. Variante	1939 2. Variante
1. Gesamtzahl der Bevölkerung:			
a) durch uns für normale Verhältnisse berechnet	173	180	180
b) Nach Angab. d. Volkszählungen	147	170	164***)
2. Differenz (a—b)	26	10	16
3. Bedingte Verluste	13 *)	3**)	3**)
4. Reine Verluste	13	7	13

*) Verluste durch den Krieg 1914—1917 . . — 6 Mill. Menschen
Geburtenrückgang . . . . . — 4 „ „
Emigrierung . . . . . — 3 „ „
**) Geburtenrückgang . . . . . — 3 „ „
***) Doppelte Berechnung b. d. Volkszählg. 1939 — 6 „ „

In meiner Arbeit lasse ich vollkommen unberücksichtigt sowie die ungeheuerlichen wirtschaftlichen und alltäglichen Opfer, welche die Bevölkerung bis zur Grenze des Elends und der Erschöpfung gebracht haben, die sich auch auf den kommenden Generationen auswirken werden, als auch den furchtbaren moralischen Zustand, welcher die Folge der vollkommenen Rechtlosigkeit und Willkür ist.

Im Konkreten:

a) Während des Bürgerkrieges kamen um . — 7,3 Mill. Menschen
b) Den Hungertod im Jahre 1921/22 sind gestorben und in den Folterkammern der Tscheka wurden vernichtet . . . . . — 5,7 „ „
c) In der Zeit der Industrialisierung, Kollektivisierung und der Jeschow-Waltung (1927—1938) kamen um . . . . . — 13,0 „ „
d) Während des letzten Krieges (1941—1945), außer den in den Kellern des NKWD zu Tode Gemarterten, kamen um . . . . — 10,0 „ „

insgesamt . . . — 36,0 Mill. Menschen

Wenn man die in den Jahren 1939—1945 Vernichteten hinzufügt so erhält man eine Zahl, die offensichtlich 40 Millionen Menschen übersteigt. Das bedeutet, daß in 26 Jahren in der UdSSR. mehr Menschen vernichtet worden sind, als die Einwohnerzahl von Frankreich beträgt, etwas mehr als die Bevölkerung von Westdeutschland usw.

Wenn man alle Opfer in Reih und Glied aufstellen würde, so würde sich dieses auf 20.000 Kilometer erstrecken.

Das ist aber noch nicht alles. Die Rechnung wäre unvollständig wenn man unerwähnt ließe die 15 Millionen Häftlinge der Konzentrationslager, d. h. 15 Millionen zweifellose Kandidaten zur Auffüllung der bereits vernichteten „Volksfeinde". Damit steigt die Zahl der Opfer des bolschewistischen Regimes auf 55 Millionen Menschen an.

P. Galine:

Mode des recensement entrepris à l'U.S.S.R.

(Résumé)

Après la révolution, c'est — à — dire après l'an 1917, la population du territoire de l'U.S.S.R. — d'après ses frontières de l'an 1939 — fut recensée à quatre occasions.

Deux d'entre elles — celle de 1920 et celle de 1937 — furent officiellement déclarées être échouées.

L'échec du premier de ces recensements s'explique du fait qu'a cette période une part considérable du territoire était encore engagée en une guerre civile; en plus, nombre de personnes évitèrent l'enregistrement pour raisons politiques ou bien soumirent des déclarations fausses aux départements chargés de l'enregistrement.

Le second recensement, qui fut égalment déclaré insuffisant, démontra le cynisme caractèristique du gouvernement soviétique dans toute sa portée. Malgré le fait que tous les documents essentiels avaient été approuvés et signé par Staline et par Molotoff, ce fut une soi-disant violation des principes basiques de la science statistique qu'on blama pour la non-réussite du recensement; le statisticien Kwitkin — chef actuel du département —, qui avait protesté, fut déclaré être un enemi du peuple, et disparut. En outre, les instructions se rapportant a l'ordre des entrées furent données de telle manière qu'une falsification des enregistrements des professions en résulta; ils y manquaient toutes les données se rapportant aux personnes en chômage, aux personnes détenues, au personnel militaire et à l'appareil du Parti, malgré le fait que toutes ces personnes avaient été enregistrées sur des listes qui avaient été inclues dans les documents principaux. La déclaration officielle elle-même, comme quoi le recensement avait été déclaré insuffisant, était en contradiction aux faits véritables, ce qui est à démontrer par le fait que les travaux furent continués après la date de cette déclaration et furent même menés à fin. Il n'était pas possible de se former une opinion quant aux qualitées de ce recensement avant sa terminaison; si, d'autre part, on avait pu se rendre compte de ses manques au courant de la procédure, il n'y avait aucun sens à continuer le travail et à dépenser des millions de roubles.

La raison véritable de la dissatisfaction du gouvernement est à trouver dans le fait que la somme totale de la population, qui avait été dûment enregistrée, se trouva être d'à peu près 10% plus basse que ne l'avait désiré le Politbureau WKP (b).

Deux autres recensments furent approuvés par le gouvernement. Les qualités positives du recensement de 1926 sont hors de doute. Tous les documents se rapportant à ce recensement furent publiés en plein. Tous les statisticiens experts du pays participèrent à sa préparation.

Le recensement de l'an 1939 était d'une qualité entièrement différente. On y employa non seulement les méthodes de falsification adaptées au recensement de 1937, mais on y introduisit une méthode nouvelle — le compte double —, au moyen duquel le nombre de population fut artificiellement augmenté de, à peu près, six millions de têtes. Cette augmentation artificielle de la population était nécéssaire afin de déguiser autant que possible le nombre énorme de personnes qui avaient périt.

Les chiffres officiels se rapportant au nombre de la population au territoire de l'U.S.S.R. dans ses frontières de l'année 1939, publié en résultat de l'enregistrement (les chiffres se rapportant a l'an 1914 furent également publiés) se présentent de la manière suivante:

Année courante:	Total de la population en millions de têtes	Accroissement d'une période à l'autre en millions de têtes	Accroissement moyen par an en pour cent
1897	106	—	—
1914	139	33	1,70
1926	147	8	0,42
1939	170	23	1,31

Il suffit d'examiner ces chiffres d'une manière superficielle pour se faire un tableau de la réalité soviétique. Même si le nombre des victimes de la première guerre mondial et de la révolution qui suivit peut servir d'explication pour le déclin de l'accroissement de la population à ces époques (et il ne faudrait pas oublier que ce sont les bolschewistes eux-mêmes qui portent la responsabilité pour les victimes de la révolution), il est impossible de trouver des circumstances „atténuantes" qui pourraient expliquer le même phenomène à l'époque de 1926 à 1939. Cette dernière époque était une époque de paix — non de guerre —, et malgré cela l'accroissement de la population par an fut diminué d'à peu près un quart en moyenne. Si, en surplus, on se rend compte de l'augmentation artificielle du nombre de population (amontant à à peu près 6 millions de têtes) due à introduction du système de „compte double" à l'enregistrement de 1939, on arrive à un accroissement moyen de la population par an qui ne correspond qu'à 0,97% du chiffre correspondent d'avant la révolution et en est distancé de 43%.

Cette diminution incroyable s'explique par le système de terreur reignant à l'U.S.S.R. Le nombre de personnes qui périrent au cours de l'époque de 1918 à 1939 peut être illustré par les chiffres qui suivent (en millions de têtes):

Index	1926	1939 première variation	1939 deuxième variation
1. Total de la population			
a) calculé par nous sous des conditions normales	173	180	180
b) d'accord à l'enregistrement . .	147	170	164***)
2. Différence (a—b)	26	10	16
3. Pertes conditionnées	13*)	3**)	3**)
4. Pertes nettes	13	7	13

*) Pertes à l'époque de la guerre 1914—1917 . . . — 6 millions
**) Réductions de naissances . . . . . — 3 „
***) Compte double à l'enregistrement de 1939 . . . — 6 millions
Emigration . . . . . — 3 „
Réductions de naissances . . . . . — 4 „

Au cours de ce travail j'ai omis toute mention des sacrifices matériels et quotidiens auxquels la population a été soumise et qui non seulement l'on réduit à l'indigence et à l'épuisement, mais qui se feront sentir au cours des générations suivantes; je n'ai de même fait aucune allusion à la condition morale de la population, qui le résultat naturel d'un système qui ignore tous droits civils et toutes lois.

Pour revenir aux faits concrets:

a) Nombre de personnes qui périrent au cours de la guerre civile . . . . . 7,3 millions
b) Nombre de personnes qui moururent de faim en 1921/1922 et furent exterminées aux cachots de la TschK de 1921 à 1926 . . . . . 5,7 „
c) Nombre de personnes qui périrent au cours de l'époque de l'industrialisation, du collectivisme et de la »Iechovchina« (1927/1938) . . . . . 13,0 „
au nombre de ces personnes de 7 à 10 millions moururent pendant la famine organisée artificiellement par les bolschewiks en 1932/1933
guerre 1941/1945, sans compter celles qui furent
d) Nombre de personnes qui périrent au courant de la torturées à mort dans les caveaux de la NKWD . . 10,0 „

Sa. . . 36,0 millions

Si on complète ces chiffres par le nombre de personnes qui furent éliminées de 1939 à 1945, on arrive évidemment à un chiffre sur passant 40 millions de personnes. Ce qui veut dire, qu'au courant de 26 ans du régime sovjétique le nombre de personnes qui périrent amonte à la population entière de la France et à presque la population entière de l'Allemagne de l'Ouest.

Si on pouvait aligner toutes ces victimes en une ligne, cette ligne comporterait 20 milliers de kilomètre.

Tout ceci n'est pas encore le tableau complet. Le compte ne serait pas complet si l'on ne faisait pas mention des 15 millions de personnes qui se trouvent emprisonnées aux camps de concentration et qui représentant autant de candidats au destin préparé pour les „enemis du peuple". Le nombre de ces personnes augmente le nombre des victimes du système bolschewiste et le porte au chiffre de 55 millions de personnes.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

I. Краткая историческая справка. 7
- а) Данные о численности населения в дореволюционной России. 7
- б) Перепись населения 1920 г. 7
- в) Перепись населения 1926 г. 8

II Перепись населения 1937 года 11
- 1. Обоснование необходимости проведения переписи. . . 11
- 2. Подготовка переписи: 13
  - А. Бюрократизация всей работы. 13
  - Б. Учет безработных, заключенных, армии и войск НКВД. 14
  - В. Аппарат по подготовке и проведению переписи. . . 22
  - Г. Составление списков населенных мест. 23
- 3. Отношение населения к переписи. 24
- 4. Порядок проведения переписи и ее разработки. . . . 27
- 5. Результаты переписи. 30

III. Перепись населения 1939 года 32

IV. Резюмэ: на английском языке 39
на немецком языке 43
на французском языке 47

INDEX

I. Short historical review 7

Facts concerning the total of the population in pre-revolutionary Russia 7
Census of 1920 7
Census of 1926 8

II. Census of 1937 11
Reasons for which a census was necessary 11
Preliminary work 13
A. Burocratisation of the work 13
B. Count of unemployed, detainees, military and NKWD personel 14
C. Organisation for the carrying out of the work 22
D. Lists of inhabited territories 23
The population reaction towards the census 24
Order of the work 27
Results of the work 30

III. Census of 1939 32

IV. Summary: English 39
German 43
French 47

INHALT

Kurze geschichtliche Auskunft 7

Angaben über die Volkszahl in Rußland der Vorrevolutionszeit 7
Volkszählung 1920 7
Volkszählung 1926 8

Volkszählung 1937 11
Begründung der Notwendigkeit einer Volkszählung 11
Vorbereitung der Zählung: 13
A. Bürokratische Durchführung der Arbeit 13
B. Berücksichtigung der Arbeitslosen, Inhaftierten, der Armee und des Heeres des NKWD 14
C. Amt für Vorbereitung und Durchführung der Volkszählung 22
D. Aufstellung der Listen von bevölkerten Gegenden 23
Die Einstellung der Bevölkerung zur Volkszählung 24
Die Durchführungsweise der Volkszählung und ihre Ausarbeitung 27
Ergebnisse der Volkszählung 30

Volkszählung 1939 32

Zusammenfassung: Englisch 39
Deutsch 43
Französisch 47

TABLE DES MATIÈRES

I. Aperçu historique 7

Chiffres concernant la population de la Russie avant la révolution 7
Recensement de la population en 1920 7
Recensement de la population en 1926 8

II. Recensement de la population en 1937 11
Raisons pour lesquelles un recensement était nécessaire 11
Travaux préparatifs: 13
A. Le bureaucratisme du travail 13
B. Comptes relatifs aux chômeurs, aux détenus, à l'armée et aux troupes de la NKWD 14
C. L'appareil servant à la préparation du recensement 22
D. Préparation de listes concernan les territoires peuplés . . . 23
Disposition de la population envers le recensement 24
Ordre des travaux du recensement 27
Résultats du recensement 30

III. Recensement de la population en 1939 32

IV. Résumé: anglais 39
allemand 43
français 47